

УДК 82.03; 82.111(091)(092)"15"

Джон Лили
КАМПАСПА¹
(Блистательная комедия)²

Перевод и комментарии

Елена Николаевна Черноземова

профессор кафедры всемирной литературы

Московский педагогический государственный университет

117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 51, кор. 1, кв. 92. chernozem888@yandex.ru

Наш журнал начинает публикацию «блистательной комедии» современника Шекспира, придворного драматурга королевы Елизаветы Джона Лили «Кампаспа» (1584). Предваряющая текст пьесы статья переводчика и комментатора Е.Н.Черноземовой опубликована в предыдущем номере журнала. Популярный в эпоху Ренессанса сюжет был заимствован Лили у Плиния Старшего, Плутарха и итальянского новеллиста Банделло. Отрывки из предлагаемого перевода пьесы ранее публиковались в сборнике *Anglistica* (Вып. VII, Москва, 1999. С.38-50).

Ключевые слова: английская литература; комедия Ренессанса; Джон Лили.

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

АЛЕКСАНДР, ЦАРЬ МАКЕДОНИИ
ГЕФЕСТИОН, ЕГО ГЕНЕРАЛ

КЛИТ³ ВОИНЫ
ПАРМЕНИОН⁴
МИЛЕКТ
ФРИГИЙ

МЕЛИПП, КАМЕРГЕР АЛЕКСАНДРА

ПЛАТОН ФИЛОСОФЫ
АРИСТОТЕЛЬ
ДИОГЕН
КРИСИПП
КРАТЕТ⁵
КЛЕАНТ⁶
АНАКСАРХ⁷
КРИС

АПЕЛЛЕС ХУДОЖНИК⁸

СОЛИНИЙ ЖИТЕЛИ АФИН
СИЛЬВИЙ

ПЕРИМ СЫНОВЬЯ СИЛЬВИЯ
МИЛО
ТРИКО

ГРАНИК⁹ СЛУГА ПЛАТОНА
МЭН СЛУГА ДИОГЕНА
ПСИЛ¹⁰ ПОДМАСТЕРЬЕ АПЕЛЛЕСА

ПАЖ АЛЕКСАНДРА
ЖИТЕЛИ АФИН

КАМПАСПА ПЛЕННЫЕ ФИВАНКИ
ТИМОКЛЕЯ

ЛЭИС КУРТИЗАНКА

Место действия – Афины

ПРОЛОГ В БЛЕКФРАЕРС

Те, кто боится осиных жал, восхищаются хвостами павлинов, пятна на которых как глаза. *Лепид*, который не мог заснуть от щебета птиц, изобразил зверя с головой дракона: а мы, одержимые страхом премьеры, вынуждены выставить перед свиным чучелом щит *Паллады*, пытаясь ее достоинствами прикрыть многие недостатки. Для Египта было знамение голода, если Нил разливался менее чем на двенадцать локтей¹¹, или более чем на восемнадцать: и для нас может обернуться несчастьем, если мы окажемся менее изысканы или же более изощренны, чем вы ожидали.¹² Но так же, как *Тезей*, которому было обещано, что его приведут к орлиному гнезду, пропутешествовав целый день, обнару-

жил лишь крапивника в кустах и все же сказал: “Ну что ж, и это птица”, – так и мы надеемся, что, если предъявление нашей разбухающей горы, готовящей, кажется, к появлению слона, родит мышь, вы все же скажете: “Что ж, и это зверь”. Базилик при мягком прикосновении отдает сладкие семена, но растираемый в руке, производит ужасающий запах. И мы опасаемся, что наш труд при насмешливо беглом взгляде покажется удовлетворительным, но при пристальном рассмотрении заслужит гораздо меньшего одобрения. Спешка при постановке послужит нам оправданием. Два вечера понадобилось для зачатия *Геркулеса*. Перья на птице Феникс отрастают не менее чем через восемь месяцев, а тутовник набирает почки только за двенадцать: но порожденное нами как приплод крольчихи, которая, только выметав потомство, сразу же зачинает и рождает снова, или как яйца птицы Тροхила, которые сразу же превращаются в птиц после того, как отложены. Тем не менее, мы завершаем работу и просим прощения, если мы погрелись против обсуждаемого материала, и терпения, если мы перешли грани в умении себя вести. Мы перемешали веселость с советами и поучение с удовольствием, не считая невозможным сеять пряности в том же саду, где выращивают цветы. Но мы надеемся, так же как олени сбрасывают рога, змеи шкуры и орлы клювы, освободить себя для нового труда: и, страхнув заботы, мы окажемся способными к более значимым свершениям. Но менее всего мы раздражаем тем, кто строит городские ворота больше самого города, и поскольку наша пьеса начинается вслед за Прологом, мы завершаем его, выражая следующее пожелание: даже если ваше суждение окажется абсолютно неудовлетворительным, мы все же сможем насладиться вашей любезностью и полной тишиной.

ПРОЛОГ ПРИ ДВОРЕ

Мы опасаемся, что наша птица, порхающая, как соловей, и кажущаяся лебедем, окажется летучей мышью, сидящей против солнца. Но как *Юпитер* поместил осла *Силены* среди звезд и *Алкивиад* закрывал изображения Сов и Обезьян на своих картинах занавесом с изображениями Львов и Орлов, так и мы претворили в жизнь замысел поместить над грубыми суждениями спокойное извинение, подражая Лапидарию, который думал спрятать пересмешника за камнем, щедро покрыв его золотом. Боги однажды накормили ужином бедного Вакха, персидские цари иногда строгаи палки: мы надеемся на то, что Ваше Величество обратит свой слух к идеальному прошлому. *Апхион* поднял из ада *Гомера*, спросив только, кем был его отец, мы вызы-

ваем из могилы *Александра*, чтобы выявить, кем была его любимая. И, что бы нами ни было представлено, мы хотели, чтобы к этому можно было отнестись как к теням, вызываемым *Агриппой*, которые, как только становились видимыми, обретали те очертания, которые ждали зрители: или же будьте, как Линций, который бросал короткий распознающий взгляд и быстро все забывал. Мы, как эти факелы, которые освещают и других, и самих себя, – принося удовольствие другим, наслаждаемся сами.

I, 1.

<У стен Афин>.

КЛИТ, ПАРМЕНИОН, ТИМОКЛЕЯ,
КАМПАСПА, АЛЕКСАНДР, ГЕФЕСТИОН

<Входят КЛИТ и ПАРМЕНИОН>

КЛИТ

Парменион, не могу сказать, что я больше ценю в победах *Александра* мужество или изысканность; в одном решимость без страха, в другом свобода, что превыше всех законов: Фивы пали – люди целы, башни разрушены, тела не повреждены, завоевание без столкновения и жестокая война, как светлый мир.¹³

ПАРМЕНИОН

Клит, сын *Филиппа* и должен быть именно таким, как *Александр*: кто, видя в отце сплошное совершенство, усомнится в достоинствах сына? Как Луна способна лишь отражать свет Солнца, так тот, кто полон достоинств, может породить лишь себе подобного сына. Индюки могут пачкать друг друга – не алмазы: первые отмечают тем свои достоинства, вторые подчеркивают несравненность.

КЛИТ

Ты меня не так понял, *Парменион*. Я восхваляю *Александра*, а ты вообразил, что я беру под сомнение достоинства *Филиппа*; твоё несчастное предположение не поддается никакому разумению: по-твоему, если мне нравится плод, то я ополчаюсь на дерево, а собираюсь поцеловать ребенка, стану смазывать ядом кормящий его сосок.

ПАРМЕНИОН

Ну, *Клит*, теперь я вижу: ты родился на Востоке и смеешься только при восходе солнца, лишь оно одно доказывает тебе, что ты должен сделать это, и нет для тебя более великого повода.

КЛИТ

Нам не должно обсуждать то, что и без того не подлежит сомнению. Нашим общим мнением может быть только одно: что отцом *Александра* не мог быть никто менее достой-

ный, чем *Филипп*, и никто не мог бы стать сыном *Филиппа*, кроме *Александра*.

ПАРМЕНИОН

Но вот, *Клит*, ведут арестантов и пленников; приятное зрелище для нас, поскольку в нем приют соединен с достоинством; им не нужно ни малейшего сострадания, поскольку их плен облегчен обходительностью.

<Обход пленных. ТИМОКЛЕЯ и КАМПАСПА>

ТИМОКЛЕЯ

Судьба, ты не потакаешь достоинству, потому что достоинство никогда не покоряется судьбе. Огнем и мечом не завоюешь того, чем правит разум и мужество. О Фивы, ваши стены возводились под сладкозвучие арф, а разрушены под крики труб. *Александр* никогда даже не приближался к стенам настолько, чтобы *Епаминод*¹⁴ не мог по ним гулять; и фиванцы могли весело разгуливать по улицам, когда он созерцал башни их города. Редко можно предвидеть судьбу, а предотвратить нельзя никогда. Сейчас мы пленники с ярмом на шее, но сердца наши не побеждены смертью. Идем, *Кампаспа*, мы все без стыда поднимем глаза на того, на кого без страха поднимали оружие.

ПАРМЕНИОН

Госпожа, у Вас нет причины для беспокойства, это *Александр*, это победитель!¹⁵

ТИМОКЛЕЯ.

Александр совершил преступление, а не победил.

ПАРМЕНИОН.

Подчинять себе и значит побеждать.

ТИМОКЛЕЯ.

Он не может подчинить священное.

ПАРМЕНИОН.

Фивы не священны.

ТИМОКЛЕЯ.

Достоинство таково.

КЛИТ

Александр чтит свое достоинство, поэтому сохранит и ваше. Он жаждет не крови, а славы, ненасытен к победам, но не знает себе равных в обходительности. В битве ужасен, как положено воину, с побежденными милосерден, как подобает царю. Он во всем превосходит. Ни в чем нельзя превзойти *Александра*.

КАМПАСПА

Если это значит быть *Александром*, надеюсь, не менее значимо обладать чистотой. Поскольку, если он сохранит нашу честь, это больше, чем возврат имущества. Более всего я желала бы, чтобы он защитил нашу честь, чем нашу жизнь; если он так поступит, мы согла-

симся, что нет ничего более великого, чем быть *Александром*.

< АЛЕКСАНДР И ГЕФЕСТИОН >

АЛЕКСАНДР

Клит, это пленники? Откуда эта добыча?

КЛИТ

Это пленники из Фив.

АЛЕКСАНДР

Какого рода и звания?

КЛИТ

Не знаю, но похоже, это женщины высокого достоинства и чести.

АЛЕКСАНДР

Узнаем. Мадам, откуда Вы, я знаю, но не могу сказать, кто Вы.

ТИМОКЛЕЯ

Александр, я сестра *Теагена*, который сражался вместе с отцом под городом Хиронтом, где и погиб, и скажу, никто не станет отрицать, доблестно.¹⁶

АЛЕКСАНДР

В Ваших словах искры дел Вашего брата, но Ваша жизнь менее удачлива, чем его смерть. Не бойтесь, поскольку Вы будете жить без насилия, без врагов и без нужды. А кто Вы, прекрасная леди, другая сестра *Теагена*?

КАМПАСПА

Не сестра *Теагена*, но скромная служанка *Александра*, рожденная незнатными родителями для необычной судьбы.

АЛЕКСАНДР

Что ж, леди, ваше достоинство говорит за Вас. Какого бы вы ни были происхождения, вы будете удостоены чести. Афины станут для вас Фивами. Вы станете не безликими трофеями войны, но обретете лицо для *Александра*. *Парменион*, проводи этих достойных женщин в город. Вмени в обязанность солдатам не оскорблять их даже словом. Пусть им возместят все, что они пожелают, и впредь обеспечат всем необходимым для таких особ и моих пленников.

< ПАРМЕНИОН с пленницами уходит >

АЛЕКСАНДР

Гефестион, отсюда следует, что править миром не менее хлопотно, чем побеждать в войне. Пока орудия молчат, могут процветать искусства. И обратясь к писателям, постараемся стать такими же хорошими Философами, как и воинами, знающими, что быть мудрым столь же похвально, как и быть доблестным.

ГЕФЕСТИОН

Твое величие в том, что стремление править тебе не выше готовности подчиниться. Счастливым будет общество, в котором Властители

станут Философами, а Философы Властителями.

I, 2.

<Улица>

<Входят> МЭН, ГРАНИК, ПСИЛ

МЭН

Я служу не хозяину, а мышам, которая живет в бочке, питается корками и спит на доске.

ПСИЛ

Так жить – большое искусство, что и утверждают философы. Крошка на ужин, ладонь вместо чашки, собственная одежда вместо простыней. Поскольку *Natura paucis contenta*¹⁷.

ГРАНИК

Мэн, это так печально, что праведный человек должен быть брошен на спасение философа: но этот *Диоген*, эта собака, должен иметь Мэна – верного пса; хоть это претит природе и досаждают искусству; один посчитает тебя распущенным окончательно, я бы сказал, телесно, другие, впрочем, весьма немногие, уникальным по образу мыслей.

МЭН

Тебе смешно? Это свойство – продукт твоего легкого языка и игры твоего ума, ведь сегодня ты проделывал то, чего я не делал последние три дня.

ПСИЛ

Что именно?

МЭН

Обедал.

ГРАНИК

Думаю, что *Диоген* обычно потребляет только холодные закуски.

МЭН

Хотел бы, чтобы так было, но он не потребляет ни горячих, ни холодных.

ГРАНИК

Что же тогда, тепленькое? Это и заставило Мэна вчера бежать от хозяина.

ПСИЛ

Мэн благоразумен, о чем говорит уже его имя.

МЭН

Мое имя? Как это, дружище?

ПСИЛ

Ты знаешь, что *Mons*, а *mouendo* называют то, что спокойно стоит.

МЭН

Так.

ПСИЛ

А тебя называют *Manes*, а *manendo*, потому что ты беспрестанно бежишь.

МЭН

Легковесные доказательства. Я не бегу, а ухожу.

ПСИЛ

В тюрьму, там будет время поразмышлять.

МЭН

Я докажу, что мое тело бессмертно, когда оно окажется в тюрьме.

ГРАНИК

Это как?

МЭН

Тебе твой хозяин никогда не говорил, что душа бессмертна?

ГРАНИК

Да.

МЭН

А что тело – тюрьма для души?

ГРАНИК

Точно.

МЭН

Ну, так чтобы сделать мое тело бессмертным, я заключу его в тюрьму.

ГРАНИК

Никуда не годится!

ПСИЛ

Блистательное заблуждение!

МЭН

Можете убедиться, как туп изголодавшийся ум: *Псил*, давай лучше пойдем на ужин с *Граником*, *Платон* – лучший друг всех Философов. Отдайте меня ему, он утром читает в школе, а в полдень на кухне.

ПСИЛ

И меня.

ГРАНИК

Эх, друзья, мой хозяин – царь своего тела в маленькой гостиной и Бог своей души в кабинете. Среди всех его слуг он имеет одного – прекрасного Музыканта, рядом стою я, хлопаю такого же другого по плечу и говорю: в нем умирает прекрасный Повар.

МЭН

Уже неплохо, *Граник*; доставляет удовольствие то, что проследует в рот, а не в уши и наполнит кишки, а не мозги.

ПСИЛ

Я служу у *Апеллеса*, который кормит меня, как *Диоген Мэна*; поскольку за обедом одним проповедует умеренность, а остальным демонстрирует работы: когда мне хочется мяса, он рисует вертел. А когда мне хочется пить: “О, – говорит он, – это ли не прекрасный кувшин?” – указывая на стол, где изображен пир богов и множество блюд, готовых насытить глаз, но не наполнить желудок.

ГРАНИК

И что ты тогда делаешь?

ПСИЛ

Вот что он тогда делает: приводит множество примеров того, что кому-то приходилось на-

сыщаться ароматами,¹⁸ и доказывает, что легче растолстеть на нарисованном, и рассказывает о птицах, которые разжирели на нарисованных виноградинах зимой¹⁹, и как многие насыщали глаза видом женских портретов, как они там никогда не желали принимать пищу, насыщаясь удовольствием от их запахов. Потом он демонстрирует мне работы, чтобы заставить страдать от их отвратительности и противности, буйные вакханалии Добряка *Вакха*, его беспорядочное окружение, изображенное близко к реальности в его мастерской. В итоге я едва жив, хотя должен был жиреть, это заставляет меня вместо женской головки изображать баранью голову, а к телу девушки пририсовывать баранью лопатку.

МЭН

Ты для меня Бог: если бы я мог увидеть хотя бы нарисованную кулинарную лавку, мои глаза стали бы жирными, как само масло, в моем же распоряжении только сентенции для наполнения желудка: *Plures occidit crapula quam gladis, musa ieiunantibus amica*: “Пресыщение убивает изощренно” – и старинная присказка Сократа об умеренности: “Сытое брюхо к науке глухо”, – он заставляет насыщаться словами, а не мясом.

ГРАНИК

Но чем ты тогда живешь?

МЭН

Забавными шутками, свежим воздухом и собачьим лаем.

ГРАНИК

Ладно, на этот раз я набью твои кишки, и среди горшков и блюд ты увидишь, что это значит – служить *Платону*.

ПСИЛ

На радость *Гранику* споем.

МЭН

Мой голос вечером столь же чист, как и поутру.

ГРАНИК

Еще один признак опустошенности.

ПЕСНЯ

ГРАНИК

Мы за чарочку погуще,
Поискристей и получше
Пьем. Юнона, нам налей,
Сердцу будет веселей.

ПСИЛ

За девчоночьи мордашки
И за прелести другие,
За объятья-обнимашки,
Танцы-пляски огневые.

МЭН

Мной воспеты бок бараний,

Бык, свинья, каплун и кочет.
Нет счастливее, чем Сытый,
Тот Осел, кто есть не хочет.

ВМЕСТЕ

Хороши вино, девчонки,
Но хорошая еда,
Как вино и как девчонки,
Помогает нам всегда.

I, 3.

<Интерьер дворца (с перемещением на городскую площадь)>.

МЕЛИПП, ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ, КРИСИПП,
КРАТЕТ, КЛЕАНТ, АНАКСАРХ, АЛЕКСАНДР,
ГЕФЕСТИОН, ПАРМЕНИОН, КЛИТ, ДИОГЕН

<Входит МЕЛИПП>

МЕЛИПП

Еще никогда у меня не было такой заботы – извещать философов о визите к царю. Сначала я пошел к *Крисиппу*, высокому, тощему, сумасшедшему старику, чтобы сподвигнуть его немедленно предстать пред *Александром*; он встал, уставился на меня, не моргнет, не пошевелится; я пытался добиться от него ответа, а он взял книгу, сел с ней и ничего не сказал. *Мелисса*, его служанка, сказала, что это его обычная манера, ей порой приходится впихивать ему в рот кусок мяса, потому что он скорее умрет от голода, чем прервет учение. “Что ж, – подумал я, увидев, что книжные люди так неподвижны, и столь великие умы – простаки в придворном мире. – Я никогда не стану ни членом их содружества, ни их любимчиком”. Оттуда я пошел к *Платону*, и к *Аристотелю*, и к разным другим. И никто не отказался прийти, кроме одного мрачного типа, который, сидя в бочке лицом к солнцу, читал мальчику по-гречески. Когда я сказал ему, чтобы он шел к *Александру*, он ответил: “Если *Александру* так хочется меня видеть, пусть приходит сам; если он хочет учиться у меня, пусть приходит сам, и что бы там ни было, пусть приходит сам”. Я сказал: “Но он же царь!” – Он ответил: “Но я же Философ!” – “Но он же *Александр*!” – “Но я же *Диоген*!” Я почти разозлился, видя, что этот скрюченный так прям в своих ответах. “Ты пожалеешь, если не пойдешь к *Александру*”, – продолжил я свое. “Нет, – улыбаясь, ответил он. – Это *Александр* пожалеет, если не придет к *Диогену*. Доблесть обретается, а не дается”. И развернувшись задом, он захрюкал, не знаю что, как свинья под бочкой. Но надо идти, Философы подходят.

<Входят ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ, КЛЕАНТ,
АНАКСАРХ, КРАТЕТ И КРИСИПП>

ПЛАТОН

Это трудный спор, *Аристотель*, но лучше изумляться, чем верить, что естественные причины вызывают сверхъестественные явления.

АРИСТОТЕЛЬ

Я не могу настаивать ни на том, что на Луне видны привидения, ни на демонологии *Сократа*, как не могу естественными причинами объяснить природу приливов и отливов Моря, что заставляет меня воскликнуть из глубин моих изысканий: “*O, ens entium, miserere mei*”²⁰

ПЛАТОН

Клеант и ты относите слишком много за счет природы при изучении явлений, которые невозможно обнаружить; и когда ты произносишь свои доводы, то теряешь сам предмет. Нет человека настолько дикого, чтобы в нем не теплилась частица божества, всемогущего, бессмертного божественного двигателя, который и может быть назван Богом.

КЛЕАНТ

Я придерживаюсь того мнения, что этот перводвигатель, который ты называешь Божеством, – начало любого движения, считающегося природным. Земля, представляющая массу, плывет по морю, сменяются времена года, плоды произрастают от самих себя, могущество небес, все величие мира и что ни возьми – все появляется таинственно. На что же и способен человек жалкого дарования, как ни доказать, что все это естественно.

АНАКСАРХ

Эти доводы будут обсуждены на нашем Философском пиру, и в споре я приму сторону *Аристотеля*: *Natura naturans* (природное естественно), но все же не является Богом.

КРАТЕТ

А я буду с *Платоном* в том, что только божественное совершенно и оно не природно.

АРИСТОТЕЛЬ

Сюда идет *Александр*.

< Входят АЛЕКСАНДР, ГЕФЕСТИОН,
ПАРМЕНИОН и КЛИТ >

АЛЕКСАНДР

Вижу, *Гефестион*, нас посетили Философы.

ГЕФЕСТИОН

Они не были бы Философами, если бы не знали своих обязанностей.

АЛЕКСАНДР

Но меня так удивила озлобленность *Диогена*.

ГЕФЕСТИОН

Не думаю, что его извинения будут лучше доклада *Мелиппа*.

АЛЕКСАНДР

Пойду взгляну на него, *Гефестион*, я должен видеть того, кто приказывает прийти *Александру*, к которому рад явиться целый свет. *Аристотель* и остальные! Со времени моего возвращения из Фив в Афины, из мест завоеваний в тишину покоев, я решил для себя, что должен иметь во дворце столько же философов, сколько солдат в лагере. Мой двор станет школой, в которой я разовью столько доктрин, сколько я уже создал в военных дисциплинах.

АРИСТОТЕЛЬ

Мы все к твоим услугам и рады оказаться избранными. Ничего более так не подходит царям, как книжное знание, которое настолько позволит им приблизиться к Богам в мудрости, насколько они уже приближены к ним самим своим саном.

АЛЕКСАНДР

Это так, *Аристотель*, но все же именно среди вас и ваших подношений находится то, что вредит *Александру*: *Калистен*, *Аристотель*, его предательство своего монарха уже не возродится вместе с логикой его Философии.

АРИСТОТЕЛЬ

Если когда-либо ошибка проникла в сердце *Калистена*, пусть *Калистен* пострадает за нее, но что *Аристотель* может вообразить нечто подобное *Калистену*, *Аристотель* отрицает.

АЛЕКСАНДР

Что ж, *Аристотель*, родство может ослепить тебя и обмануть меня, но в вопросах власти я не буду прибегать к схоластическим доказательствам. Эта встреча нужна была для распоряжения: вы станете завсегдатаями дворца, будете учить молодых правилам, стариков разуму. Пусть ваша жизнь соответствует вашим учениям менее, чем мои дела разнятся с моими обещаниями.

ГЕФЕСТИОН

Ты говорил, что задашь каждому из них по вопросу из тех, на которые никто из нас не мог ответить накануне²¹.

АЛЕКСАНДР

Да. *Платон*, какой зверь самый неуловимый?

ПЛАТОН

Тот, который до сих пор не известен человеку.

АЛЕКСАНДР

Аристотель, что должен делать человек, чтобы его считали Богом²²?

АРИСТОТЕЛЬ
Невозможное для человека.

АЛЕКСАНДР
Крисип, что было раньше, день или ночь?

КРИСИП
Раньше день шел за днем.

АЛЕКСАНДР
Действительно, странные вопросы влекут за собой странные ответы. *Клеант*, что сильнее, жизнь или смерть?

КЛЕАНТ
Жизнь, ведь она выносит столько невзгод.

АЛЕКСАНДР
Анаксарх, земля или море породили большее количество существ?

АНАКСАРХ
Земля, ведь море лишь часть земли.

АЛЕКСАНДР
Гефестион, думаю, все они ответили хорошо. Я собираюсь часто испытывать их подобными вопросами.

ГЕФЕСТИОН
Полезнее иметь при дворе мудрого человека, чем золотой рудник в собственных владениях. Поэтому я бы оставил войну ради обретения мудрости, будь я Александром.

АЛЕКСАНДР
Я сделал бы то же, будь я Гефестионом²³. Но пойдем, освободим наших фиванских страдалцев.

< Уходят >

ПЛАТОН
Ты счастливец, *Аристотель*, ведь *Александр* – твой ученик²⁴.

АРИСТОТЕЛЬ
И ты счастливец, ведь он твой царь.

КРИС
Мне более по душе человек, который хотел бы быть лишь человеком.

АРИСТОТЕЛЬ
Он стремится приблизиться к богам лишь в знаниях, а не стать Богом.

<Выкатывается бочка ДИОГЕНА >

ПЛАТОН
Пойдем, порасспросим немножко *Диогена*, почему он не пошел с нами к *Александру*. *Диоген*, ты забыл своей долг, ты не пошел с нами к царю.

ДИОГЕН (из бочки)
А ты забыл свое призвание и пошел к царю.

ПЛАТОН
Ты гордишься своим брюзжанием, как иные гордятся доблестью.

ДИОГЕН
А ты, будучи Философом, гордишься тем, что тебя посчитали придворным, так

же, как иные стыдятся быть придворными, желая оставаться Философами.

АРИСТОТЕЛЬ
Оставь эти строгие манеры, всем известно, что ты подделывал монеты.²⁵

ДИОГЕН
А ты известен именно тем, что не подделывал монеты.

АРИСТОТЕЛЬ
У тебя есть повод презирать двор. Ты телом и образом мыслей слишком скрючен для того, чтобы быть придворным.

ДИОГЕН
Лучше быть скрюченным и стараться быть прямым подальше от двора, чем быть прямым и учиться скрючиваться при дворе.

КРАТЕТ
Ты считаешь красивым быть в оппозиции к Александру.

ДИОГЕН
А ты – прыгать перед Александром.

АНАКСАРХ
Пойдем, покинув его, мы больше ему угодим, чем своим общением с ним.

АРИСТОТЕЛЬ
Платон, что ты думаешь о *Диогене*?

ПЛАТОН
Что он взбесившийся *Сократ*. Идем.

¹Имя Кампаспа, вероятно, является инверсированным именем Панкаспы, о которой Плиний рассказывает в “Естественной истории”. До недавнего времени на русском языке с материалами книги Плиния можно было познакомиться только по редкому изданию [Варнеке 1874], представляющему собой перевод XXXV книги “Естественной истории”. В 1994 г. появилась другая книга [Плиний Старший 1994]. Далее ссылки на Плиния даются по этому изданию с указанием страниц. Плиний говорит о Панкасте как о наложнице Александра Македонского (см. ниже сноску об Апеллесе). Меняя имя, Лили меняет и концепцию образа, наделяя героиню высоким чувством собственного достоинства, не позволяющего ей считать за честь положение наложницы великого царя.

У Плиния же находим сведения, которые Лили использует как сюжетную основу пьесы, изменяя отдельные детали и характеристики. Плиний рассказывает о том, что Александр заказал плененному художнику Апеллесу портрет своей любимой наложницы Панкаспы, узнав же о любви Апеллеса к Панкаспе, подарил ее живописцу, обнаружив великодушие и умение владеть собой. Панкаспа послужила художнику моделью, когда он писал Афродиту, выходящую из моря (Венеру Анадиомену) (XXXV, 86-87). В Помпеях сохра-

нилась фреска Афродиты Анадиомены, созданной, предположительно, по несохранившейся работе Апеллеса.

Решая вопрос об источниках, которыми пользовался Лили, В.М.Джеффри утверждает, что сведения из Плиния и Плутарха приходят к Лили через Эразма [Jeoffery 1969: 133], что, впрочем, не исключает его знакомства с античными памятниками и на языках оригиналов.

Первый издатель собрания сочинений Лили и его комментатор Р.В.Бонд, отмечая нерадивость Лили в освоении некоторых университетских курсов, все же признавал, что “источники, из которых он брал сюжеты своих пьес, обильное использование Плутарха и Плиния <...> многочисленные классические аллюзии, рассеянные по всем его писаниям, являются доказательством того, что если он и не проявлял особого рвения там, где этого ожидали от него его наставники, то читал он много и помнил прочитанное” [Bond 1902, 1973: 12].

По мнению В.М.Джеффри, Лили было известно и большинство итальянских авторов. Некоторые из них были переведены на английский язык к концу XVI века, некоторые пришли в Англию через французские переводы. К тому же, как правило, придворные королевы Елизаветы, к числу которых принадлежал Лили, владели итальянским языком. Это замечание оказывается тем более важным, что сюжет “Кампаспы” совпадает с содержанием 58-й новеллы Банделло (1485-1565), с которой можно познакомиться в переводе на русский язык [Итальянская новелла Возрождения 1984: 194-197]. Речь в новелле идет о судьбах двух художников, живших в разные эпохи, но одинаково пользовавшихся славой и почетом, которые они снискали себе благодаря своему высокому мастерству. Один из них – Апеллес, другой – флорентинец Филиппо Липпи. Повествование в новелле ведется от лица Леонардо да Винчи, с которым Банделло познакомился в то время, когда великий мастер писал в трапезной аббатства делле Грацие фреску “Тайная вечеря” [см. Голенищев-Кутузов 1975: 157-158]. Главная тема новеллы – прославление человека-творца. В ней есть и рассуждения о сущности красоты в ее ренессансном понимании, воспринимавшейся как сочетание физического и духовного совершенства.

²Высокая комедия Возрождения была призвана не столько смешить, сколько исправлять нравы. Джон Лили, давая жанровое определение своему произведению, подчеркивал то, что потом развил в своей концепции ренессансной комедии, объясняя, что его цель как драматурга – вызывать не громкий смех, а мягкую улыбку и чувства внутренней просветленности и восторга.

³В “Жизнеописаниях” Плутарха сообщается, что Клит по прозвищу Черный спас жизнь Александру во время переправы через реку Граник, с которой начиналась битва с персами (XVI). Александр в ходе пира в состоянии опьянения убил Клита (XIII), смеявшегося ему возражать, и приписывал несчастье гневу и мести Диониса [Плутарх 1990: XIII, с. 373; XLIX, LI, LII, с. 412-414], впоследствии горько оплакивая убитого и раскаиваясь в содеянном. У Плиния Старшего есть сведения о картине Апеллеса, на которой был изображен Клит на коне, спешащий на войну, с оруженосцем, протягивающим, по его требованию, шлем (XXXV, 93, с. 97).

⁴Парменион – генерал Александра, неоднократно упоминаемый в “Жизнеописаниях” Плутарха. О взаимоотношениях Александра и Пармениона рассказано в XXXI, XXXII, XXXIII главах. Парменион был ровесником Филиппа и оказал ему огромное количество услуг. Александр подарил ему дворец Багоя, в котором только одеяний было на тысячу талантов (XXXIX, с. 402). Александр дружил с сыном Пармениона Филотом до тех пор, пока тот не стал слишком заносчив и груб, после чего отец вынужден был сказать сыну: “Спустишься-ка, сынок, пониже” (XLVIII, с.410). Поведение Филота стоило и отцу, и сыну жизни.

⁵Кратет – ученик Диогена, киник из Фив. Продал свою часть наследства и передал деньги согражданам, отдав распоряжение банкиру раздать деньги с его счета детям, если те вырастут невеждами, если же станут настоящими философами, то деньги отдать нуждающимся, поскольку мудрым наследникам в этом случае не понадобится ничего. Александр спросил Кратета, не желает ли он видеть свой родной город отстроенным заново. Тот ответил: “А зачем? Придет другой Александр и все разрушит”. Он писал: “Моя родина не одна только башня, крыша, но то место, где возможно жить пристойно, так что любая точка универсума – мой город, мой дом”. Диоген и Кратет разоблачали великие иллюзии, двигавшие поведением людей: погоню за удовольствиями; очарованность богатством; страстное желание власти; жажду славы, блеска и успеха [цит. по: Реале, Антисери 1994: 175, 176].

⁶В “Жизнеописаниях” Плутарха упоминается, что Александр проявлял заботу о Клеане [Плутарх 1990: VIII, с. 368].

⁷Из Плутарха известно, что Александр оказывал Анаксарху почести [там же]. Анаксарх, по словам Плутарха, с самого начала пошел в философии особым путем, был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам и умел утешить Александра, когда этого никому не удавалось (LII. С. 414).

⁸Апеллес (356-308 до н.э.) – в действительности живший и вошедший в легенду художник, уроженец Коса, ученик Памфила – македонянина по происхождению, выдающегося математика, утверждавшего, что без арифметики и геометрии нельзя стать хорошим художником. Памфилу, по сведению Плиния Старшего, принадлежат работы «Семейство», «Сражение у Флиунта и победа афинян», а также «Улисс на плоту» (XXXV, с.76). Сам Памфил в свою очередь был учеником Эвпомпа, которому принадлежит изображение Победителя в гимнастическом состязании с пальмовой ветвью в руке и, начиная с которого, появилась Сикионская школа живописи, считавшая искусство – знанием: творить для ее представителей значило изображать суть вещей, выявлять и применять законы, управляющие природой (XXXV, с.75).

Сведения об Апеллесе, “превзошедшем всех живописцев и предыдущего, и последующего времени”, доходят до нас из “Естественной истории” Плиния Старшего, а также из многочисленных отголосков, содержащихся в трудах художников и писателей Возрождения, восхищавшихся легендарной славой мастера. Ни одной работы Апеллеса не сохранилось до нашего времени, но описания их остались. Плиний называет несколько работ Апеллеса. Это “Александр Великий в виде громовержца”, “Кастор и Поллукс с Победой и Александром Великим, “Лик Войны со связанными за спиной руками и с Александром-триумфатором на триумфальной колеснице”, “Царь Антигон на коне”, “Торжественное шествие мегабиза, жреца Дианы Эфесской” (XXXV, 92-93, с. 97), Неоптолем на коне, сражающийся с персами, Архелай с женой и дочерью, Архелай на коне, Антигон в панцире, вступающий с конем, “Диана с хором, приносящих жертвы детей” (по стихам Гомера из “Одиссеи” . VI.102 – XXXV, 96, с. 97-98). Плиний упоминает и о нескольких томах теоретического наследия Апеллеса (XXXV, 79). Плиний рассказывает о том, как перед лошадьми проносили живописные изображения коней, выполненные разными художниками, но только при появлении написанных Апеллесом лошади ржали (XXXV, 95, с. 97). Из Плиния же известно, что Апеллес был единственным художником, которому было разрешено писать портреты Александра Македонского (XXXV, с. 95), и изображения были настолько живыми, что, казалось, пальцы полководца и молния выступали из картины (XXXV, 92, с. 97). Однажды Ксандр, один из полководцев Александра, затрясая всем телом, увидев изображение царя. Оценка самого Александра мастера художника сохранилась в словах: “Есть в мире два великих Александра: один – непобеди-

мый, сын Филиппа, другой – неповторимый, сын Апеллеса”.

Именно Апеллес первым придумал для изготовления черной краски жечь слоновую кость и назвал ее элфантином (VII, с. 86).

Из книги Джорджо Вазари “Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих” становится ясно, что сравнение высоких достоинств художников с Апеллесом у итальянцев эпохи Возрождения было общим местом.

⁹Имя слуги Платона (Граник) в пьесе совпадает с названием реки, с преодоления которой начинался персидский поход Александра.

¹⁰Об учениках Апеллеса известно из Плиния. К одному из них, Персею, обращено сочинение Апеллеса о живописи (XXX, 111, с. 101). Другой – Ксетилох – приобрел известность дерзко-шутливой картиной, на которой Юпитер, рождающий Либеру, изображен в митре и по-женски стонущим в окружении повивающих богинь (XXXV, 140, с. 106). Мальчики, растирающие краски, случалось, сами становились художниками. Так было с Эригоном, работавшим у Неалка, который прославился мастерством и оставил знаменитого ученика Пасия (XXXV, 145, с. 107).

¹¹Локоть – 45 см.

¹²Чувство меры и золотая середина – обычное для Возрождения требование, связанное с представлением о совершенстве.

¹³По свидетельству Плутарха, Фивы были взяты войсками двадцатилетнего Александра, разграблены и стертые с лица земли. Более тридцати тысяч фиванцев были проданы в рабство, более шести тысяч было убито [Плутарх 1990: XI, с.372]. Далее отмечается, что Александр не раз сожалел о несчастьях фиванцев и обходился с ними милостиво (XIII). Никто из фиванцев не получал от него отказа. В реплике обобщены сведения о высоком военном искусстве Александра. Так, Плутарх рассказывает, что начало войны с персами было ознаменовано боем, в котором с персидской стороны погибло двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников, а в войске Александра погибло всего тридцать четыре человека (XVII) .

¹⁴Епаминонд – знаменитый военачальник Фив, упоминаемый Иоанном Златоустом в доказательство положения «Истинно богат тот, кто презирает все» как человек, не имеющий одежды на смену.

¹⁵В логике обращения Александра с пленными фивянками воспроизведены сведения из “Жизнеописаний” Плутарха (Александр и Цезарь, XXI), в которых рассказано о том, как обходителен и щедр был Александр с пленными женой и дочерьми Дария, проявляя царственность и благородство. “Ведь Александр столь же

милостив к побежденным, сколь страшен в битве”, – говорит Дарию находившийся вместе с его женой в плену Тирей. Когда Дарий усомнился в чистоте Александра и спросил: “Разве стал бы молодой человек воздавать такие почести жене врага, будь его отношение к ней чистым?” – Тирей стал призывать Дария отдать дань восхищения тому, чья скромность в обращении с женщинами превосходила храбрость в столкновении с мужами. Самым большим утешением Тирей считал сознание того, что ты побежден человеком, обладающим сверхчеловеческой природой (XXX, с. 392).

¹⁶В “Жизнеописаниях” Плутарха (XII) содержится рассказ о доблестном поведении фиванки Тимоклеи, по походке и осанке которой можно было судить о силе ее духа. Александр был поражен ее мужеством и приказал отпустить на свободу вместе с ее детьми.

¹⁷Бедняк довольствуется естественным.

¹⁸О том, как путник стремился сделать вкуснее свой кусок хлеба, подержав его над паром варившейся похлебки, чтобы тот вобрал в себя ее запахи, рассказано в романе Ф.Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль”. Роман не переводился на английский до 1653 г., однако имеются свидетельства о том, что он был знаком елизаветинцам – современникам Лили. На связь реплики с раблезианством наталкивает и ее продолжение: указание на сниженное до отвратительности изображение вакханалий. По наблюдениям М.М.Бахтина, такие сцены гротескного искусства, свойственные для романа Рабле, не были чуждыми и для античного искусства. Известны, например, античные вазы с изображением в назидание пьющим извергающих содержание своих желудков опьяневших юношей.

¹⁹Эпизод о птицах, которые слетались на картины Апеллеса, принимая написанные им ягоды за настоящие, есть у Плиния.

²⁰О, сущий из сущих, помилуй меня (лат.).

²¹В эпизоде с вопросами философам использован материал LXIV гл. “Жизнеописаний” Плутарха о захваченных в плен десяти гимнасофистах, известных умением давать краткие и меткие ответы (с. 425). Получив ответы, Александр богато одарил и отпустил пленных.

²²У Плутарха читаем: «Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо – так, словно был совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с греками же он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом <...> Однажды, когда раздался сильный удар грома и

все испугались, присутствовавший при этом софист Анаксарх обратился к Александру: “Ты ведь не можешь сделать ничего похожего, сын Зевса?” – “И не хочу. Зачем мне внушать ужас своим друзьям, как ты это советуешь?” – ответил Александр смеясь <...> Ясно, что Александр сам не верил в свое божественное происхождение и не чванился им, но лишь пользовался этим вымыслом для того, чтобы поработать других» (XXVIII, с. 390).

²³Сравни со сведениями из Плутарха о том, как Дарий послал к Александру предложение о выкупе пленных, на что Парменион сказал: “Будь я Александром, я принял бы эти условия” – “Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!” (XXIX, с. 391).

²⁴В “Жизнеописаниях” Плутарха (VII) говорится о том, что Филипп призвал в учителя Александру Аристотеля – самого знаменитого ученого из греческих философов – и расплатился за обучение достойнейшим способом, восстановив родной город Аристотеля, Стагиру, и вернув туда находившихся в рабстве граждан. Далее Плутарх сообщает, что Александр любил Аристотеля не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Потом произошло отчуждение, хотя страсть к философии сохранилась в Александре. Он проявлял заботу об Анаксархе, Ксенократе, Дандамиде и Калане.

²⁵У Диогена Лаэртского есть сведения о том, что Диоген Синопский был уличен в обрезании монет.

Список литературы

Варнеке В.И. Плиний об искусстве. Одесса, 1874.

Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. М., 1975.

Итальянская новелла Возрождения. М., 1984.

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / пер. с лат, предисл. и прим. Г.А.Тароняна. М, 1994.

Плутарх. Избранные Жизнеописания. В 2 т. М., 1990. Т. 2. Александр и Цезарь.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность / пер. с итал. СПб., 1994.

Bond R.W. Life of John Lyly // Lyly J. The Complete Works / ed. Bond R.W. Oxford, 1902, 1973. In 3 v. V.1. P. 12.

Jeoffery V.M. John Lyly and the Italian Renaissance. NY, 1969.

**THE PLAY *CAMPASPE* BY JOHN LYLY.
THE TRANSLATION AND COMMENTARY**

Elena N. Chernozemova
Professor of World Literature Department,
Moscow Pedagogical State University

We are beginning to publish the Russian version of «Campaspe» («A moste excellent Comedie of Alexander, Campaspe, and Diogenes, Played before the Queenes Maiestie on twelfe day at night by her Maiesties children, and the children of Poules». First print.1584) by John Lyly (?1554-1606) and the commentary by its translator and researcher. The article about it was published in the preceding issue of *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. Alexander the Great falling in love with his beautiful Theban captive, Campaspe, gives her freedom, and, disregarding the dissuasion of his confidant Hephaestion, engages Apelles to paint her portrait. This plot is adopted from Pliny the Elder, Plutarch and Bandello.

Key words: English Literature; Renaissance comedy; John Lyly.